

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Лекарство

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619715*

Аннотация

"Приказчик полез на какую-то лестницу и стал сбрасывать на прилавок целый водопад разных разноцветных тряпок, – с таким видом, будто бы он хотел устроить между собой и покупательницей крепкую надежную баррикаду, за которой можно укрыться.

В глазах его виднелось отчаяние и покорность судьбе.

– Вот это, сударыня... Прелестный рисунок.

– Этот? Вы смеетесь надо мной! Это бабы платки такие носят.

– Тогда вот! Самый последний крик делямод.

– Этот? Нет, вы, право, надо мной смеетесь!

Я никогда не видел, чтобы так смеялись. На лбу приказчика выступил пот, а губы пересохли и нервно дрожали..."

Содержание

I	4
II	10
III	13
IV	16

Аркадий Аверченко

Лекарство

I

В глаза я называл ее Марьей Павловной, а за глаза Марусей, Мэри и Мышоночком... Сегодня, когда я ехал к ней, то думал:

– Соберусь с духом и скажу!.. Если она ответит «да» – в груди моей запоют птицы и жизнь раз и навсегда окрасится приятным розовым светом. Если – «нет»... я ничего не скажу, повернусь и выйду из комнаты... И никто никогда не услышит обо мне ни слова. Только, может быть, через несколько лет до нее и всех ее знакомых дойдет слух о странном монахе, известном своей суровой отшельнической жизнью, который поселился в пустыне, одинокий, таинственный, со следами красоты на изможденном лице, благоволящий мужчинам и отворачивающийся от женщин...

Это буду я.

Я вошел к Марье Павловне с сосредоточенно сжатыми губами и лихорадочным блеском в глазах.

– Что это вы такой? – удивленно спросила она.

– Я... должен иметь с вами один... очень важный для меня разговор!

В глазах ее засветились два огонька и – погасли.

– Хорошо. Только я раньше должна съездить в два места... Надеюсь, вы меня проводите?

– Конечно! Как можно задавать такие вопросы?..

– Я сейчас оденусь, заедем в мануфактурный магазин и потом к портнихе. Ладно?

– Хотя бы к двум портникам!.. – поклонился я.

Она призадумалась.

– К двум? Мне бы, собственно, нужно было к двум, да я не знаю адреса одной. Посидите. Я скоро оденусь. Даша! Сбегайка за дворником!

– Зачем это вам дворник понадобился? – изумился я.

– Не могу же я выйти на улицу в одном платье?!

– А разве дворник...

– Это длинная история! Жена дворника, которая служит у каких-то квартирантов, имеет сестру, работающую у той самой портнихи, которой я отдала переделать свою ротонду. Так вот, если жена дворника сообщит сейчас мужу адрес, где работает ее сестра, – я и пошлю Дашу туда за ротондой.

– Так, так. Это и есть тот адрес – один из двух, – которого вы не знаете?

– Что вы путаете! Это тот адрес, который я знаю. Как же иначе я бы нашла его?

– Смешные вы, женщины! – улыбнулся я.

Она показала мне язык и убежала в другую комнату.

Я уселся, взял газету и прочел ее от начала до конца.

Марья Павловна одевалась. Я пересмотрел альбом, взял какую-то книгу, прочел три главы. Марья Павловна одевалась! После шестой главы я имел совершенно точные данные, что Марья Павловна еще не совсем одета, а девятая глава заставила ее выглянуть из комнаты и спросить меня:

– Нет ли у вас крючка для застегивания ботинок? Я не могу найти свой. Целый час ищем!.. Почему вы не носите с собой крючка?

– Хорошо, – кротко отвечал я. – Теперь я буду носить его с собой. Во избежание задержек на будущее время я буду также теперь захватывать с собой щипцы для завивки волос, ротонду и головные шпильки. Если вам нужно еще что-нибудь – вы предупредите.

Она, очевидно, не поняла меня, потому что отвечала:

– Нет, щипцы у меня есть. А вот головные шпильки, если бы вы носили, – я иногда брала бы у вас, потому что они страшно теряются.

Вошла Даша и спросила:

– Не видали, барин, крючка для ботинок? Он тут где-то.

– Не знаю. Я пересмотрел альбом, – его там не было. И в книге нет. Может быть, спросить того дворника, который имеет сведения о ротонде?..

И Даша меня тоже не поняла.

– Демьян! – закричала она, выбегая в переднюю, – не видел барышнинного крючка?

Я вошел в ту комнату, где одевалась Марья Павловна, и

сказал:

– Придется мне поискать.

Из деликатности я старался не смотреть на причесывающуюся Марью Павловну, но она воскликнула:

– Только, ради бога, не смейте на меня смотреть!

Не посмотреть было уже неловко. Я взглянул на нее, на стоящую около нее пару крошечных ботинок, и спросил:

– Вы эти ботинки и хотите надеть?

– Да... только вот крючка нет.

– Крючок можно купить, – отвечал я. – Его можно сделать, найти, украсть, но – увы – он будет вам бесполезен.

– Почему?!

– Потому что ботинки ваши не на пуговицах, а на шнурках.

Она засмеялась.

– Да? А ведь и в самом деле! Даша! Не ищи крючка... А вы, сударь, уходите пока.

Я вышел и от скуки опять взялся за газету. Выглянула Даша и спросила:

– Барин, не видели барышниной брошки?

– Не знаю, где она. Впрочем, вы можете взглянуть на крышу соседнего дома. Не зацепилась ли она каким-нибудь образом за дымовую трубу.

Даша с озабоченным видом взглянула в окно, развела руками и ушла обратно в комнату барышни.

– Там нет... Под ковром смотрели?

– Смотрела. И в умывальнике нет.

– Ах ты ж, господи!

Я нервно вошел в их комнату и спросил:

– Куда вы ее обыкновенно кладете? Какого она вида?

– Обыкновенно она у меня на груди. А вид у нее такой...

знаете, что у лошадей на лапах бывает!

– На каких лапах?

– Ну, такое... Копыто называется...

– Я не помню у вас такой брошки-копыта. Вероятно, подкова?

– Да, да... такое, знаете, что стучит.

– Так бы вы прямо и сказали!.. Такое, что стучит, – это всякий догадается. Подкову я помню. Ювелир, значит, уже вставил бирюзу, которая выпала? Помните, мы на той неделе вместе отдавали?

– Нет еще.

– Так она, значит, у ювелира? Скажите, сколько времени затрачиваете вы обыкновенно на поиски в этой комнате вещи, находящейся в другой улице?

– Действительно, она у ювелира! Даша, глупая, не ищи: я совсем и забыла.

Так как я был признан дамами очень сообразительным, толковым парнем, то меня оставили на всякий случай присутствовать при завершении туалета.

Все пошло гладко, если не считать того, что дамы тщетно пытались открыть флакон с духами, проклиная тугую проб-

ку. Мне не стоило большого труда убедить их, что открывать его не имеет смысла, так как он совершенно пуст, и что, вероятно, можно достигнуть больших результатов, если открыть другой флакон, стоявший тут же и по горло наполненный духами.

II

Когда мы приехали в магазин, приказчик галантно поклонился нам, но сейчас же побледнел и взглядом, полным ужаса, уставился на розовую, улыбающуюся Марию Павловну.

– Покажите мне что-нибудь новенькое на блузку. Только – самое новое. Я всегда бываю у вас, и вы всегда показываете мне старое.

– Какой негодяй! – подумал я.

Приказчик полез на какую-то лестницу и стал сбрасывать на прилавок целый водопад разных разноцветных тряпок, – с таким видом, будто бы он хотел устроить между собой и покупательницей крепкую надежную баррикаду, за которой можно укрыться.

В глазах его виднелось отчаяние и покорность судьбе.

– Вот это, сударыня... Прелестный рисунок.

– Этот? Вы смеетесь надо мной! Это бабы платки такие носят.

– Тогда вот! Самый последний крик делямод.

– Этот? Нет, вы, право, надо мной смеетесь!

Я никогда не видел, чтобы так смеялись. На лбу приказчика выступил пот, а губы пересохли и нервно дрожали... Куски материй сыпались с полок дождем, разворачивались, забраковывались, скрывались под свежей струей новых материй, которые, отверженные, в свою очередь, стонали под

тяжестью все новых и новых кусков, которые то были «алюповаты», то слишком в крупную, то слишком в мелкую клетку... А одна материя подверглась суровому осуждению даже за то, что клетка на ней оказалась слишком средней.

– Вот эта мне нравится, – робко сказал я, указывая на какой-то желтый угол, торчавший снизу.

Приказчик с благодарностью взглянул на меня, но потом вздохнул и сказал:

– Это не материя. Это оберточная бумага из середины куска. Вот это очень недурно, кажется.

– Это? – в искусственном восхищении вскричал я. – Это великолепно.

– Покажите еще что-нибудь в этом роде, – ласково попросила моя спутница.

Приказчик уже не стоял за прилавком, а лежал где-то наверху на огромной груды измятых скомканных кусков. Мы должны были задирать головы, чтобы видеть этого доброго человека, который хриплым голосом кричал нам сверху:

– Вот тоже... рекомендую... Дернье крик дялямод...

Образ действий приказчика меня изумлял.

Что могло удержать его от одного незаметного жеста руки, которым можно было бы опрокинуть на голову покупательницы часть этой груды «чего-нибудь на блузку»... Откапывание погребенной под развалинами покупательницы и вся последующая веселая суматоха дали бы приказчику некоторую возможность передохнуть и собраться с силами, а по-

купательница на собственной голове и плечах убедилась бы, что бывает очень неудобно, когда «что-нибудь на блузку» висит от восьми до десяти пудов.

Последние «крики делямод», доносившиеся сверху, делались все тише и тише. Я понял, почему приказчик, увидев мою спутницу, побледнел от ужаса, а моя спутница в это время мягким, как серебряный бубенчик, голосом говорила:

– Этот цвет немного темен или, вернее, слишком для меня светел... Кажется, ничего я не подберу.

Она вздохнула и встала, ласково кивнув головой извивавшемуся где-то наверху телу приказчика.

– Мы уходим? – спросил я. – В таком случае, заверните мне, господин приказчик, вот этот кусок и этот... и этот!

– Для чего это вам? – изумилась Марья Павловна.

Я хотел сказать ей, что приказчик в самом худшем случае заслужил не этой бессмысленной для меня покупки трех кусков, а пожизненной пенсии и воспитания детей на казенный счет. Впрочем, едва ли ему нужна была пожизненная пенсия, так как, по своему наружному виду, бедняга мог дотянуть не дольше чем до конца текущей недели.

III

Мы вышли из магазина – я, нагруженный громадным свертком, она, пустая, с победоносно веселым видом – и сели на извозчика.

– Ну? – спросил я.

– Ну?

– Куда же ехать?!

– Да к портнихе. Ведь я же говорила.

– Извозчик, к портнихе.

– На какую улицу прикажете?

– На какую улицу? – спросил я, оборачиваясь к своей спутнице.

– Такая... длинная. Я позабыла, право, как она называется.

– А, длинная! Так бы вы и сказали. Вероятно, еще по бокам стоят дома и у каждого ворот сидит дворник? Да?

– Да, да. Что-то в этом роде. Там еще есть четырехэтажный дом с такими воротами.

– С какими?

Она вытянула вперед пальцы и неопределенно пошевелила ими.

– Вот с такими, знаете?..

– Ах, вот такие ворота? Очень красивые. А улицы вы так и не знаете?

– Да я знала, да позабыла. Помню, сейчас нужно вправо завернуть.

– Извозчик! Направо.

– Да куда он едет?! Не туда! Направо!

– Он и едет направо!!

– Тогда, значит, налево.

– Эти извозчики вечно путают, – сурово проворчал я. – Дело в том, что у извозчиков и у прочих мужчин правая сторона случайно совпадает с правой рукой, а у женщин она совпадает с левой! И мужчины так тупы, что не могут к этому привыкнуть.

– Вообще, вы, мужчины... – критически сказала Марья Павловна и улыбнулась с сознанием собственного превосходства.

Мы повернули на какую-то улицу и поскакали по ней, причем я бросал проницательные взгляды на все дома с «такими» воротами. А моя спутница в это время украдкой перекрестилась.

– Что это на вас напала такая богомольность? – пожал я плечами. – Не хотите ли вы посвятить себя Богу?

– Нет, – сказала она. – Я так узнаю, где правая сторона.

– То есть... как же это?

– Да ведь крестятся правой рукой! Я перекрещусь и думаю: «ах, вот она где, правая сторона».

– Изумительно просто! И дорогу можно находить, и грехи в то же время замаливать. Если бы все знали этот остроум-

ный способ – не было бы заблудившихся и грешных людей.

– Вы льстите мне! – кокетливо хлопнула она меня перчаткой по руке. – Да это и не я придумала. Подруга.

– Богато одаренная натура, – одобрительно сказал я.

IV

Ввиду громадного количества домов с «такими воротами» портниху мы не нашли.

Когда через час ехали обратно, Марья Павловна вспомнила:

– А что вы мне хотели сказать такое серьезное? Помните, давеча дома говорили? Еще говорили, что это для вас очень важно!..

И я не назвал ее мысленно ни Мэри, ни Мышонком, а зевнул и сказал:

– Ах да! Я хотел спросить только: где вы покупаете такое прекрасное печенье к чаю?

И с этого момента пустыня лишилась одного из лучших отшельников, которые когда-либо спасались в ней...